

ПРОБЛЕМЫ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ФЕОДАЛИЗМА
У НАРОДОВ
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1969

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕХОДА
К ФЕОДАЛИЗМУ
КОЧЕВЫХ ПЛЕМЕН И НАРОДОВ
(НА МАТЕРИАЛАХ КАЗАХСТАНА)**

Неизбежной и необходимейшей составной частью научного исследования, наряду с поисками и анализом конкретно-исторического материала, является создание рабочих гипотез.

Некоторые из таких гипотез, сложившихся в процессе довольно длительного исследования фактического материала, или же в виде отражающих ход исследования прогнозов, я и позволю себе высказать в сегодняшнем сообщении, посвященном некоторым особенностям генезиса и развития феодализма у кочевых племен и народов (на материалах Казахстана).

Одной из особенностей, присущей, по-видимому, всем кочевым племенам и народностям без исключения, является переход кочевых племен к феодализму, минуя рабовладельческую стадию производственных отношений.

В чем же причина данного обстоятельства, почему зародившееся в глубокой древности патриархальное рабство не получило сколько-нибудь значительного развития у кочевых племен и народов Казахстана, Средней Азии и других народов? Анализ значительного фактического материала о рабстве у казахов и других кочевых племен и народов показывает, что в кочевом скотоводческом производстве с присущей ему низкой продуктивностью человеческого труда и, следовательно, ограниченными возможностями получения прибавочного продукта прежде всего было невозможно кооперирование труда рабов, которое бы допускало извлечение из их труда и присвоение сколько-нибудь значительного прибавочного продукта. Более того, скопление рабов было просто опасно для существования далеко разбросанных друг от друга небольших хозяйственных коллективов кочевников-скотоводов. Кочевые хозяйства для выпаса и охраны скота нуждались к тому же не просто в рабочей силе, как таковой, а в надежных, инициативных работ-

никах, в пастухах — войнах, которыми не были и не могли быть рабы, в обычном понимании этого слова.

Непреодолимым препятствием на пути развития древнего патриархального рабства, в условиях кочевых скотоводческих обществ, стояли исключительные трудности в удержании рабов, особенно из числа военнопленных. Не помогали ни применявшееся подщетиживание, ни упоминаемые Геродотом случаи массового ослепления рабов и т. п., не говоря уже о том, что подобные меры сводили на нет производительную ценность и экономическую целесообразность использования рабского труда. Все это сочеталось к тому же со сравнительно ограниченными потребностями кочевых скотоводческих хозяйств в привлечении и использовании чужого труда. В данной связи следует напомнить утверждение Ф. Энгельса о том, что пастушеские народы, населявшие в глубокой древности степные пространства, бассейны Аму-Дарьи, Сыр-Дарьи, Тигра, Евфрата и Ганга, приобрели в виде стад «лошадей, верблюдов, ослов, крупного рогатого скота, овец, коз и свиней имущество, которое требовало только надзора и самого примитивного ухода»¹.

Высказывание Энгельса подтверждается свидетельствами конкретных источников для территории Казахстана на более позднего времени. Арабский путешественник XIV в. Ибн-Батута, посетив степи Дешти-Кипчака, обнаружил, в частности, что скот у кочевников и днем и ночью находился на пастбищах без присмотра. Аналогичные утверждения можно найти и в других источниках. Рост стад и размножение скота, перегонявшие рост населения в общинах, требовали дополнительного привлечения рабочей силы, создавали условия для присвоения чужого труда. Однако кочевые хозяйства испытывали потребности в привлечении значительной массы дополнительного труда лишь периодически — во время массового окота скота, стрижки овец, гололедицы, буранов и т. п. Но приобретение и содержание рабов из расчета на эти случаи было экономически неразумно, да и практически ненужно главным образом потому, что сами кочевые общины к этому времени выделили уже из своей среды излишки свободной рабочей силы в лице не-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 57.

достаточно занятых в процессе производства, частично или полностью лишившихся скота, обедневших и разорившихся сородичей.

Их появление было результатом имущественного расслоения, начавшегося с возникновения частной или семейной собственности на скот. Одновременно зарождение частной собственности на скот и начавшееся вслед за этим имущественное расслоение внутри кочевых коллективов (при сохранении общности труда по выпасу и охране скота, общности землепользования и других элементов древнего коллективизма) неизбежно порождали скрытое неравенство в области распределения продуктов общего труда и создавали благоприятные объективные предпосылки для будущего сознательного присвоения чужого труда и замаскированной эксплуатации обедневших сородичей, обладавших определенными средствами производства. Не были рабами в прямом смысле этого слова и те многочисленные племена или части родов и племен, которые нередко завоевывались кочевниками.

Не были потому, что, теряя свободу и право на свои земли (пастбища), попадая в зависимость — неволю или рабство, они сохраняли нередко целостность своих семей, родов или племен, определенную часть средств производства в виде скота, жилища, имущества и некоторую хозяйственную самостоятельность.

Так, на заре классовой истории кочевых скотоводческих обществ в их хозяйственном строе и общественном укладе имелись уже в зародыше, или вернее в потенции, возможности и для порабощения и, еще в большей степени, для присвоения и эксплуатации труда свободных общинников на иной основе, т. е. для возникновения феодальных производственных отношений.

Привлечение более инициативного, надежного и продуктивного труда обедневших сородичей-скотоводов, в сочетании с сохранением и широким использованием родовой взаимопомощи, общности труда, войны, коллективного выпаса и охраны стад и других возможностей замаскированного присвоения чужого труда, окончательно определили развитие общественных отношений у кочевых племен и народов по пути так называемых раннефеодальных отношений и положили предел дальнейшему развитию древнего патриархального рабства. Ли-

шившись основы для дальнейшего развития, потерпевшее историческое поражение, древнее патриархальное рабство оказалось, однако, чрезвычайно живучим. Оно сохранялось у кочевых племен и народов Казахстана очень долго, вплоть до XIX в., как бы дополняя собой рано возникшие и незрелые феодальные отношения.

В этой связи будет уместно, пожалуй, сделать предположение, что у подавляющего большинства или даже у всех кочевых скотоводческих племен и народов, обладавших своеобразным, легко отчуждаемым основным богатством в виде скота, гораздо раньше, чем у некоторых оседло-земледельческих племен появилась частная или семейная собственность на средства производства и началось зарождение феодальных отношений, или тех общественных отношений, о которых говорил Ф. Энгельс, утверждая, что «... приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения»².

Зародившись рано, в период сравнительно низкого общего уровня развития производительных сил, феодальные отношения у кочевников-скотоводов в дальнейшем развивались чрезвычайно медленно, что и дало известные основания говорить о «застойном состоянии общества», по сравнению с развитием феодальных отношений у оседло-земледельческих племен и народов.

Возникает вопрос, в чем же причина этого?

В трудах некоторых советских историков Казахстана, пытающихся ответить на этот вопрос, содержатся указания на низкий уровень развития производительных сил в кочевых скотоводческих обществах, на патриархальную замкнутость и натуральность хозяйства, на живучесть общины, устойчивость патриархально-родового быта у казахов-кочевников и т. п. Но все это было присуще и становлению феодализма у оседло-земледельческих племен и народов, а потому не может служить объяснением особой застойности в развитии кочевого скотоводческого производства и общественных отношений кочевых скотоводческих обществ. Некоторое исключение

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 57.

Можно сделать, пожалуй, лишь для утверждения о живучести кочевой общины, для длительного сохранения которой кочевое скотоводческое хозяйство создает, действительно, особенно благоприятные условия.

В поисках ответа на этот вопрос следует обратить внимание на довольно многочисленные факты настоящего возврата кочевников Казахстана, вынужденных порвать со скотоводством, к кочевому скотоводческому способу хозяйствования и упорного, традиционного нежелания полностью переходить к оседлости и земледелию. Даже в источниках XVIII—XIX вв. содержатся многочисленные свидетельства о том, что если лишившемуся скота и поневоле осевшему кочевнику «удавалось обзавестись некоторым количеством скота, он снова начинал кочевать»³. Современники писали, что «только безысходная бедность может заставить киргиза обратиться к хлебопашеству, которое он оставляет при малейшей возможности обойтись без него», что и крупные скотовладельцы, перешедшие к земледелию, не хотели расставаться с кочевым скотоводством, «считая его более выгодным занятием, чем земледелие»⁴.

Отдельные источники и фольклорные материалы зафиксировали взгляд кочевников на земледелие, как на несчастье.

Все это является основанием для предположения, что одна из причин так называемой застойности кочевое скотоводческого производства кроется в некоторых экономических преимуществах кочевое скотоводческого производства, по сравнению с примитивным земледельческим хозяйством в условиях того времени. Известную роль играла здесь и традиция. Но в основном дело, очевидно, в том, что в условиях определенной географической среды и на определенном уровне развития производительных сил кочевое скотоводческое производство было если не единственно возможной, то, во всяком случае, наиболее результативной (рентабельной) формой хозяйствования. В этих условиях оно обеспечивало получение наибольшего количества продуктов, при сравнитель-

³ Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв. М., 1960, стр. 53.

⁴ Там же, стр. 53 и др.

но меньших затратах труда по сравнению с земледелием того времени, трудоемкость которого была особенно велика при низком уровне земледельческой техники.

К числу преимуществ экономического порядка относились и сравнительно меньшие издержки производства в кочевом скотоводческом хозяйстве. Следует, однако, подчеркнуть, что все эти преимущества данного способа хозяйствования были, разумеется, относительны и сохранились лишь при наличии свободных пастбищных просторов и при низком уровне развития земледелия.

Определенную роль в «застойности» сыграло несомненно и своеобразное, замедленное развитие в кочевых скотоводческих обществах феодальной собственности на землю — пастбища. Это не дает, однако, оснований отрицать существование феодальной собственности на пастбища вообще и значение земли как основного средства производства. А это делают некоторые историки Казахстана, сводя все развитие феодальных отношений в Казахстане к саунным отношениям и другим формам реализации феодальной собственности на скот. Кстати, в существовании собственности на скот, как основы генезиса и развития феодальных отношений, в отсутствии феодальной собственности на землю эти историки и видят одну из основных особенностей так называемого «кочевого феодализма». Исключительная роль скота в процессе кочевого скотоводческого производства, а собственности на скот — в формировании производственных отношений кочевого общества очевидны. Однако, утверждая, что скот является основным средством производства в кочевом хозяйстве, нельзя объяснить смены общественно-экономических отношений в кочевых скотоводческих обществах. Известно, что производственная, экономическая роль скота у кочевых скотоводческих народов не претерпела сколько-нибудь значительных качественных изменений на протяжении многих столетий. Позволительно спросить, на какой же тогда основе происходила смена общественных формаций, если основное средство производства данного общества оставалось все тем же.

Данная концепция не согласуется и с общезвестными фактами беспримерной по своему упорству борьбы кочевников-скотоводов за пастбища, длившейся на протяжении многих столетий,

За последнее время все более накапливаются факты, прямо или косвенно свидетельствующие о довольно ранних предпосылках формирования в кочевых скотоводческих обществах будущей феодальной собственности на землю. Так уже хунну, кочевники III в. н. э., племена тугю VI в. н. э. и другие знали разграничения пастбищ и наследственных земельных владений; у каждого из них был «отделенный участок земли»⁵.

Это еще, разумеется, не феодальная собственность на землю и не превращение земли в основу эксплуатации непосредственных производителей, но уже зарождение определенных предпосылок для подобного превращения в недалеком будущем. Источники XIII—XIV вв. довольно определенно говорят о монопольном праве распоряжения пастбищами. Известны сведения Плано Карпини, согласно которым «никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему».

По словам ал-Омари, ордынские эмиры не только единолично распоряжались пастбищами, но и смотрели на землю, как на один из основных источников дохода.

В 1425—1426 гг. один из владельцев южных районов Узбекистана Борак предпринял поход против Улугбека, с целью возвращения г. Сыгнак и районов нижнего течения Сыр-Дарьи. «Пастбища,— говорил он при этом,— по закону и обычному праву принадлежат мне, так как дед мой Урус-хан в Сыгнаке воздвиг постройку».

О монопольном праве кочевых феодалов в распоряжении пастбищами свидетельствуют и многочисленные русские архивные документы начала XVIII в. В них содержатся, в частности, настойчивые просьбы прикочевавших к границам России казаховских феодалов султана Аблая, батыра Кулсары и многих других об «отмежевании им... на поселение в удобных местах окружностей, дабы каждый род свою землю и отвод имел... и чтоб по отмежевании из роду в род земли и угодий не давать, но довольствоваться каждому своим отводом». В этих же документах приводятся угрозы Аблая разорить около 3 тыс.

⁵ И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1952, стр. 39, 40, 99; В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М.—Л., 1941, стр. 197.

кочевых хозяйств казахов одного из подразделений Найменского рода за «самовольную», «без его позволения» перекочевку на территорию бывшей Джунгарии. Против этих фактов вряд ли можно что-нибудь возразить. Но для того, чтобы с полным основанием можно было говорить о феодальной собственности на землю, необходимо выявить формы, в которых происходило наделение землей основных производителей в условиях кочевого скотоводческого производства, и особенно формы земельной ренты. Прямых фактов, свидетельствующих об этом, пока еще обнаружено мало, да и те относятся к более позднему времени. В частности, в вышеупомянутой работе Н. Г. Аполловой содержится свидетельство О. А. Игельстрома о том, что хан Нуралы при перегонах казаками скота на «внутреннюю сторону» собирал с каждого коша, при всяком перегоне по 1 лошади и по «1 барану». Кроме того, сыновья и другие родственники хана, коих имеет 40, подъезжая к тем же местам, собирали с народа «каждый равную для себя часть»⁶. Так же поступали хан Аблай, батыр Кулсара и другие феодалы⁷.

Перед нами факты, свидетельствующие о своеобразной реализации казахскими феодалами монопольного права распоряжения пастбищами или феодальной собственности на землю, в виде продуктовой земельной ренты.

Определенные основания для того, чтобы говорить о наделении земель и существовании земельной ренты в Казахстане в более ранние периоды, дают сведения о положении тюленгутов, этой наиболее четко выраженной категории феодально-зависимых людей казахского общества.

Тюленгуты были, как правило, иноплеменниками, чужеземцами, порвавшими связь со своим родом, искавшими помощи, защиты и покровительства у крупных казахских феодалов и перешедшими на земли казахских родов, или общин, подвластных их патрону. Последнее обстоятельство и определяло главным образом их зависимость от кочевого феодала-покровителя. Именно за предоставление права пользования пастбищами они и несли повинности в форме натуральной или отработочной ренты.

⁶ Н. Г. Аполлова. Указ. соч., стр. 377, 378.

⁷ Там же, стр. 168, 181, 336, 378.

Большинство тюленгутов имело скот и необходимое имущество, поэтому нет оснований говорить об их зависимости в результате предоставления им в пользование скота. Но все они, без исключения, порвав со своими родами, не имели земли, нуждались в пастбищах, и эти пастбища им предоставлял феодал-покровитель, пользуясь полным правом распоряжения землей. Характерно, что в период ликвидации института тюленгутизма в Казахстане были случаи отказа отдельных казахских феодалов предоставить свободу своим тюленгутам до тех пор, пока они, согласно обычному праву, не выплатят определенное «возмездие» за «покровительство» и предоставленную их предкам возможность не только «одеться», сохранить свои стада и имущество, но и увеличить их, кочуя на пастбищах феодала.

Перед нами несомненные факты наделения земель, своеобразной земельной ренты и феодальной собственности на землю, уходящие своими истоками в далекую глубь веков.

В плане изучения генезиса феодализма и выяснения существования феодальной земельной ренты в казахском кочевом обществе, особого внимания заслуживает вопрос о взаимоотношениях кочевых феодалов с городами Средней Азии и прежде всего с присырдарьинскими городами.

Владениями казахских ханов и султанов в XVIII в. и ранее становились время от времени такие города, как Ташкент, Туркестан, Сайрам и некоторые другие с принадлежавшими к ним поселениями и городками. Абулхак-ир хан заявил в 1731 г., что он сам и его предки владели этими городами с «древних лет». То же самое утверждал и хан Абулмамбет, добываясь в период джунгарской агрессии получения Туркестана в качестве удела. Начальник Оренбургской экспедиции И. К. Кириллов в 1734 г. рассматривал подобные случаи как «лены» или «пожалования»⁸.

Источники свидетельствуют о том, что порою казахские владельцы даже не жили в этих городах, но регулярно собирали подати и ясак, «как настоящие их ханы», нередко вызывая всеобщую ненависть населения своими «поборами» и «притеснениями».

⁸ АВПР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1758 г., д. 4, л. 35, 36.

Находившийся в 1735 г. в Оренбурге ташкентский горговец Нур-Мухаммед рассказал, что казахские ханы и их «ближние» люди «кто которым городом пожалованы» брали ясак «с сартов, живших в городах и уездах, деньгами и товарами, хлебом и скотом: в уезде от хлеба платую... и десятую долю и скот — коров и овец»⁹.

По сообщению того же Нур-Мухаммеда, хан Старшего казахского жуза Жолбарс, владевший в порядке пожалования городами Чалек, Хандолек, Хажекет, Нушба, Пяркет, Сайрам и др., не только брал с населения этих городов ясак или подать, но и раздавал их «в пожить тем из своих подданных, кого из них любил или боялся»¹⁰.

В 1742 г. от имени этого хана в Ташкенте правил влиятельный старшина Толе бай. Он собирал подати с населения Ташкентского владения и после убийства хана Жолбарса¹¹.

В «Топографии Оренбургской губернии» П. И. Рычкова сообщается об «употреблении» казахскими владельцами земледельческого населения подвластных им городов «в качестве крестьян». Очевидно, перед нами обычная натуральная рента.

Но приведенные факты, которых в действительности значительно больше, все же нельзя считать окончательным доказательством тезиса о существовании в Казахстане земельной ренты и феодальной собственности на землю, поскольку в данном случае мы ограничились лишь иллюстрацией свидетельств современников; их сообщения нуждаются в специальной обработке, анализе и обобщении. Но даже и без того эти факты дают основание утверждать, что особенность развития феодализма в кочевых скотоводческих обществах нужно искать, по-видимому, не в отсутствии феодальной собственности на землю, а в своеобразии ее форм, а также путей возникновения и развития.

В данной связи правомерно предположить, что имущественная дифференциация и первоначальное социаль-

⁹ А. Добросмыслов. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912, стр. 110, 111.

¹⁰ А. Добросмыслов. Материалы по истории России, т. II. Оренбург, 1900, стр. 61.

¹¹ А. Левшин. Описание Киргиз-казацких или Киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II. СПб., 1832, стр. 80—88.

ное расслоение кочевников-скотоводов происходили на основе неравного распределения движимого имущества и, в первую очередь, скота, что стало возможным, да и неизбежным со времени возникновения частной собственности на скот.

Возникшая в период разложения первобытно-общинного строя собственность на скот с вызванным ею процессом имущественного расслоения внутри кочевых общин и была основой первоначального закабаления и эксплуатации в кочевых скотоводческих обществах, наряду с различными формами личной зависимости неимущих групп населения, побежденных родов и племен.

Но лишь зарождение феодальной собственности на пастбища (землю) могло привести и привело к победе зарождавшихся феодальных отношений, к превращению их в господствующую форму, к окончательному образованию феодального базиса. Собственность на такое неустойчивое средство производства как скот, находившееся к тому же в собственности и у феодалов и у рядовых кочевников-скотоводов, не могла быть прочной основой ни для консолидации господствующего класса, ни для окончательного утверждения новых (феодальных) общественных отношений.

Таковы некоторые итоги и основные направления изучения проблемы генезиса и развития феодализма у кочевых племен и народов на материалах Казахстана.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА И СООБЩЕНИЙ

И. К. Куסיбян

В связи с докладом о феодализме Бурятии у меня возникла мысль, что мы часто пользуемся источниками, очень близкими территориально и наоборот упускаем из виду территориально далекие. Такими являются источники, касающиеся феодализма монгольского народа на армянском языке.

Почти 100 лет назад профессор Петербургского университета К. П. Патканов издал русские переводы армянских источников по истории монголов XIII—XIV вв. Эти переводы всегда обращали на себя внимание и ими пользуются и теперь.

стях досоветского периода эксплуатацию масс в той или иной форме, тот обязан и неизбежно должен признать наличие частной собственности на землю как предпосылки и постоянной экономической основы эксплуатации масс в той или иной форме.

В. А. Ромодин

Несколько слов в связи с вопросом, затронутым в выступлении Г. И. Семенюка. Что в его выступлении было новым? Прежде всего, его положение о том, что при известных условиях, при низком уровне развития производительных сил в сельском хозяйстве, скотоводство может быть более выгодным. Почему это новое? Обычно у нас принято считать, что всегда скотоводы были отсталым скотоводческим обществом, тормозили развитие. В этом плане заслуживает внимания взаимодействие городов со скотоводческими районами. Кочевое скотоводство было более товарным, чем комплексное хозяйство, или примитивное земледельческое хозяйство, так как казахские баи и киргизские манапы, владевшие десятками тысяч голов скота, продавали его на русском рынке. В большом количестве поступал скот и на городские рынки Средней Азии. Поэтому кочевое скотоводство было выгоднее; оно давало большой эффект при меньшей затрате труда, разумеется, на определенном этапе социально-экономического развития народов. С этой спецификой экономического развития кочевых народов связаны и общественные явления, в частности ранняя форма феодализма у этих народов. Предположение Г. И. Семенюка может быть добротной исторической гипотезой, способной помочь пониманию общих процессов и закономерностей развития феодализма. Но в его выступлении была, на наш взгляд, некоторая идеализация кочевого быта. Стремясь подчеркнуть, что кочевое скотоводство было более выгодным, чем примитивное земледелие, докладчик утверждал, что материальное положение кочевника заметно ухудшалось, если он переходил к земледелию. Это недостаточно убедительно, так как автор в данном случае не имел в виду трудности повседневной жизни кочевников-бедняков.

поселение отстояло одно от другого на десятки верст, мест для сенокосов и пастбищ было достаточно. Вторая ясачная комиссия (1830 г.) прямо отметила, что в Вилюйском округе не чувствуется недостатка в сенокосах, а по Амге, Ноторе и Алдану имеются пустолежащие земли. В этих условиях не могло иметь место такое обезземеливание. Фактически тойоны (старосты, старшины), не имевшие дворянских званий, и родовые общинники входили в одни и те же общины. Те и другие юридически были близки к категории государственных крестьян. Таким образом, источники не подтверждают мнения Г. П. Башарина. Не подкрепляют его позиции и его попытки, сделанные в печати, обвинить не согласных с ним в народничестве, с которым боролся В. И. Ленин. Никакой связи здесь нет.

Интересный материал привел Е. М. Залкинд о формах феодальных отношений в Бурятии. Он высказал мысль, что буряты не знали раннего феодализма, а сразу прошли стадию позднего феодализма. Но что такое поздний феодализм в применении к Бурятии? Это то, что буряты в XVII—XVIII вв. представляли собой также, как и якуты, своеобразную группу государственных крестьян, выплачивавших феодальную ренту государству. Внутри как бурятского, так и якутского общества в XVII в., как показывают материалы, уже намечались тенденции к зарождению элементов феодальных отношений. Изучение форм развития феодальных отношений в Сибири, мне думается, будет результативно, если исследователи пойдут по пути сравнения социальных отношений различных народов Сибири.

Б. Х. Кармышева

Мне хотелось бы остановиться на двух моментах доклада Г. И. Семенюка. 1) Кочевое скотоводство Казахстана и Средней Азии не были идентичными, между ними с давних времен имелась большая разница. Эту разницу можно проследить на примере кочевого и полукочевого, вернее отгонного скотоводства узбеков. Узбекское скотоводство развивалось в непосредственной близости от оазисов и носило издавна характер широкого товарного производства. Это накладывало известный отпечаток на общественные отношения как населения оазиса, так и

кочевых и полукочевых племен. Здесь, в отличие от Казахстана, феодальная собственность на пастбища выступала ярче, были нередки случаи частной собственности на летние пастбища, случаи узурпации их у оседлого населения. Экономическая взаимосвязанность населения степи и оазисов в Средней Азии, в частности в Узбекистане и Таджикистане, также выступает ярче и проявляется в более многообразных формах, чем в Казахстане.

2) Роль кочевника-скотовода и в прошлом не сводилась только к перегону стада с одного сезонного пастбища на другое и обереганию его от хищников, и, разумеется, не всегда кочевое скотоводство было выгоднее земледелия. В Средней Азии при ограниченности территории пастбищ и при том, что они все время ухудшались в результате непрерывного и бессистемного выпаса, скотоводство было выгодным только в том случае, если владелец стада мог подобрать себе хороших чабанов, ибо мастерство чабана в выпасе скота играло решающую роль. У узбеков труд чабанов считался очень квалифицированным и оплачивался относительно высоко.

Н. Г. Аполлова

Разрешите прежде всего присоединить свой голос к тем выступлениям, в которых с большим удовлетворением была отмечена своевременность и плодотворность широкого обсуждения проблемы генезиса феодализма.

На широком научно-координационном совещании, организованном Научным советом Отделения истории Академии наук, мы имели возможность познакомиться с работами историков республик, ощутить уровень достижений советской исторической науки на местах и камни преткновения на пути этих достижений, болезни ее роста.

Поистине широко развернулись перед нами перспективы исследовательской работы по проблеме генезиса феодализма, изложенные в докладе З. В. Удальцовой. Это программа сложных, но весьма актуальных проблем, осуществление которой потребует многолетней работы коллективов научных работников.

Сделанные здесь доклады и сообщения показали огромные накопления фактического материала в рабочих

лабораториях советских историков. Здесь выявился научный уровень разработки отдельных вопросов генезиса феодализма. Выяснилось также, что остается еще не мало спорных, дискуссионных вопросов в нашей исторической науке.

И это закономерно на пути ее роста.

Плодотворна на наш взгляд постановка вопроса о том, что необходимо, в первую очередь, решить большие методологические вопросы в области изучения проблемы генезиса феодализма. Закономерна в этом плане постановка вопроса об определяющем критерии возникновения, становления и развития феодальной формации.

Разделяя верное положение о неравномерности социально-экономического развития, мы, по-видимому, должны учесть, что становление феодальной формации не всегда может быть синхронным у разных народов и в различных исторических условиях. Различна длительность процесса генезиса и развития феодализма. Это обстоятельство расширяет хронологические рамки наших исследований в области изучения этой проблемы, что и сделано сегодня в одном из сообщений.

Мне думается, что в дальнейшей нашей работе мы неизбежно выйдем за рамки генезиса феодализма, ибо не менее важны вопросы, связанные с развитием феодальной формации.

Сегодня мы прослушали очень содержательный и очень сложный по своему охвату социально-экономического развития многих народов доклад В. И. Шункова о генезисе феодальных отношений в Сибири, в котором автор показал в новом аспекте становление феодализма этой территории. Мы прослушали и сообщение Г. И. Семенюка «О некоторых особенностях перехода к феодализму кочевых племен и народов» (на материалах Казахстана).

Естественно, что автор большой работы о рабстве в Казахстане уделил большое внимание и в этом сообщении вопросу о том, прошел ли Казахстан в своем социально-экономическом развитии через рабовладельческую формацию, и каков был характер рабства в Казахстане. Следует отметить прежде всего тот факт, что в своем отрицании рабовладельческой формации Г. И. Семенюк примыкает к правильной, на наш взгляд,

точке зрения, господствующей среди ученых, занимающихся историей Казахстана. Эта концепция нашла свое выражение и на страницах первого тома «Истории Казахской ССР» (Алма-Ата, 1957).

Однако постановка этого вопроса является и до сих пор актуальной, так как имеется и противоположная концепция, утверждающая существование рабовладельческой формации и у кочевых народов.

Чтобы разобраться в этом вопросе очень важно установить критерий, определяющий возникновение и развитие рабовладельческой формации, с одной стороны, выяснить исторические условия, определившие возможность существования лишь патриархального рабства, — с другой.

Возникает вопрос, какую роль сыграли реальные исторические условия в возникновении рабства у кочевых народов, в частности в Казахстане?

В сообщении Г. И. Семенюка осталось неясным, с какого времени, примерно, возникает рабовладельческий уклад в Казахстане, если так можно назвать существовавшее там патриархальное рабство, и как решает этот вопрос докладчик в связи с теми положениями, которые уже введены в научный оборот?

Советские историки связывают возникновение рабства в Казахстане с образованием крупных родоплеменных объединений («союзов»), формировавшихся на территории Казахстана на рубеже IV—III вв. до нашей эры. Установлено, что переход к кочевому способу ведения скотоводческого хозяйства завершился уже в IV в. до нашей эры, причем к этому времени выделился район Семиречья (Старшего жуза), кочевое хозяйство которого было связано с земледельческими оазисами Сыр-Дарьи и Таласа.

Археологами установлено также, что население племенного союза уйсуней занималось и земледелием, о чем свидетельствуют соответствующие находки в курганах (обугленные зерна пшеницы, зернотерки), а также оседлые поселения. Важное место в это время в производстве уйсуней занимало железо, вытеснившее бронзу. В связи с развитием производительных сил в руках старейшин и племенных вождей начинает скапливаться большое количество излишнего скота, которое можно было уже использовать для обмена.

Война становится в это время обычным промыслом, доставляющим много пленных, которых оказалось возможным превращать в рабов. Здесь в сообщении Г. И. Семенюка были приведены убедительные аргументы в пользу того, что патриархальное рабство в Казахстане не превратилось в дальнейшем в господствующий способ производства — в рабовладельческую формацию, так как труд феодально-зависимого общинника был для феодалов более выгодным, чем труд раба (кула). Были приведены и другие, не менее убедительные аргументы. Следует добавить к ним то, что массовое бегство рабов из хозяйств казахских феодалов в середине XVIII в. в дальнейшем не было случайным явлением. Оно явилось неизбежным результатом слабого прикрепления раба. При известных обстоятельствах он становился беглым, а в дальнейшем вольноотпущенником.

Правильно, что патриархальное рабство, как уклад, устойчиво сохранялось и в условиях феодализма. Феодальные же отношения в Казахстане возникали в процессе разложения первобытнообщинного строя, минуя рабовладельческую формацию. Но когда это произошло? Несомненно, это трудный вопрос, но он требует ответа, если не сейчас, то в дальнейшем.

И здесь остается в силе закон неравномерного — социально-экономического развития. В Южном Казахстане и в Семиречье, где развивалось земледелие и быстро росли города, этот процесс феодализации шел скорее, чем в других районах Казахстана.

Известно, что некоторые историки Казахстана (в частности В. Ф. Шахматов и С. И. Толыбеков) считают, что феодальные отношения могут возникать и при отсутствии феодального пользования землей и что особенность развития классовых феодальных отношений в Казахстане заключается в том, что они возникают на основе собственности на скот, который является основным средством производства, так как земля была якобы «ничьей».

Не имея возможности в рамках небольшого выступления аргументировать свое несогласие с этой концепцией, скажу лишь о том, что и здесь действительно необходимо не только отточить наше методологическое оружие для разрешения теоретически важных проблем, но и углубить их логический анализ. Необходимо и дальнейшее нако-

пление фактического сравнительно-исторического материала в процессе изучения генезиса и развития феодализма у разных народов.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Е. М. Залкинд

Я благодарю И. К. Кусикяна за его очень интересное сообщение о новой публикации армянских источников. Должен сказать, что эти армянские источники нам хорошо известны, и мы ими пользовались тогда, когда изучали общественный строй монголов.

Я был бы благодарен Л. Р. Кызласову, если бы он сообщил, какие города найдены в Бурятии. Если речь идет о Кондуиском городище, то это замечательный памятник сибирской старины, но оно не имеет никакого отношения к бурятам. Это следы ушедших культур, которые оказали влияние на народы, занимающие эту территорию сейчас, но степень их влияния определить очень трудно. Никаких городищ у бурятского населения, как сообщил Л. Р. Кызласов, не существовало.

Вопрос об источниках. Мне кажется, что некоторые выступающие не совсем знакомы с этими источниками. Говорят, что документы местного управления — отчеты о ясаке, хозяйственные ведомости и т. п. тенденциозны. Но имеются и многие другие источники — жалобы, судебные дела, частноправовые документы, т. е. материалы, которые открывают достаточно широкий простор для источниковедческого анализа.

Я сильно сомневаюсь в том, что русская администрация не знала, что делалось в 30 км от острогов, что положение на периферии ей было неизвестно. Архивные документы свидетельствуют об обратном.

Л. Р. Кызласов указывает на неточность статистики, но еще С. В. Бахрушин предупреждал, что ясачные книги — ненадежный материал для статистических исчислений. Однако в целом наш исторический архивный материал достаточно многообразен и им вполне можно оперировать.

Я целиком согласен с А. П. Пьянковым, что мы подходим к моменту, когда нужно перейти от локальных исследований к широким обобщениям, но нельзя ставить

вопрос так: либо то, либо другое. Нужно продолжать локальные исследования и вместе с тем выходить за пределы истории одной народности для широких теоретических обобщений.

И. С. Гурвич, хотя не согласился с моей, может быть, не совсем удачной формулировкой о прохождении бурятами поздней стадии феодализма, но признал существование моей точки зрения правильным.

Казалось бы, конечно, парадоксальным говорить о поздней стадии феодализма у такой народности, как буряты, без оговорок. Напомню, что я говорил о прохождении стадии позднего феодализма в Бурятии, где жили не одни буряты, о том, что тут наслаивались различные отношения — и раннефеодальные и патриархальные, но все-таки считать раннефеодальным хозяйство, которое в значительной степени было приспособлено к рынку, которое широко применяло наемный труд в XIX в., было бы неправильно.

Хочется поблагодарить всех товарищей, которые откликнулись на мое сообщение.

Г. И. Семенюк

Замечания в адрес моего сообщения и предложения, сделанные мне выступающими, несомненно помогут в дальнейшей работе над вопросом генезиса и развития феодализма у казахов и других кочевников. Полностью согласен с тем, что следует отделить ранний период зарождения феодальных отношений. Это и сделано в какой-то степени и даже опубликовано в одной из моих работ: «Когда произошло разложение первобытнообщинного строя, когда конкретно началось формирование феодальных отношений на территории Казахстана?» Сознательно воздерживаюсь от ответа на этот сложный вопрос. Дело в том, что в докладе был поставлен вопрос о генезисе феодализма у кочевников в теоретическом плане и в таком аспекте, в каком позволяют накопленные факты. Для более конкретного (в хронологическом плане) ответа на поставленный вопрос нужно еще очень много работать с источниками, необходимо выявление новых материалов и углубленная их разработка.

Многое из того, что содержится в сделанном сообщении, говорилось, если можно так выразиться, языком

документов XVIII в. в целях апробации добротности этих источников, а также в плане рабочих гипотез, проверки их пригодности для дальнейшей разработки затронутых вопросов.

В заключение хочу сказать, что я с большим удовлетворением и огромной пользой для себя выслушал сделанные здесь доклады и сообщения и от всей души благодарен организаторам конференции за приглашение товарищей с периферии. Мы работаем на местах подчас в чрезвычайно сложных и своеобразных условиях. Участие в таких теоретических конференциях, несомненно, обогащает, вводит в круг последних итогов исследовательской деятельности многих ученых, стимулирует, помогает в дальнейшей работе.

В. И. Шунков

Я сначала хотел бы коснуться общих вопросов, затронутых в обсуждении.

Первый вопрос — источниковедческая база. Я благодарен И. К. Кусикину в частности за попытку расширить нашу источниковедческую базу путем обращения внимания на новые источники, на комментированный перевод армянского источника о монгольском феодализме.

Я благодарен так же товарищам, обратившим мое внимание на наличие у осетин аналогичного явления «живущих около», и за общую постановку вопроса А. П. Пьянковым о более широком использовании метода сравнительно-исторического изучения. Несомненно, что этот метод позволит нам более успешно решать ряд вопросов, которые сейчас мы еще решить затрудняемся.

Я только высказался бы против подмены метода сравнительно-исторического изучения методом аналогии. Я обращаю на это внимание потому, что в ряде работ историки Сибири, особенно по истории южных народов Сибири, слишком широко пользуются методом аналогии, что не всегда бывает убедительно.

Второй вопрос поднял И. Я. Златкин о необходимости раздельного изучения социально-экономического развития скотоводов-кочевников и охотников-рыболовов. Я считаю его замечание правильным.

Очень интересный вопрос поставил А. П. Пьянков. Он сказал, что нельзя считать началом феодализма одно из